

МОЙ АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ!!!

Начиная утреннюю часть рабочего дня, я включаю домашний компьютер и для создания позитивного эмоционального фона открываю папку «Фотографии», где помещены фото людей, составивших счастье моей жизни в профессии, личной жизни, любви, дружбе, товариществе, общении. С самой первой фотографии на меня смотрит немолодой человек, сидящий за рабочим столом на фоне книжных полок. Его благородное лицо и лукавое выражение умных пронизательных глаз как бы спрашивают: «Ну, так что я говорил? Теперь видите, как все вышло?».

И я мысленно (а иногда и вслух) говорю: «Да, Вы были правы. Потеря нравственных ориентиров, непорядочность, профессиональная недобросовестность и вместе с ними ханжество, лицемерие, пошлость и цинизм, разрушают и систему образования, и педагогическую науку, и ее высшую организацию – Российскую академию образования». Так я почти каждый день разговариваю с моим наставником в профессии и старшим другом в жизни академиком Алексеем Ивановичем Пискуновым, благодаря которому во мне еще сохраняется профессиональный и социальный оптимизм.

Мое знакомство с Алексеем Ивановичем началось задолго до личного знакомства и близкого общения и сотрудничества. Это был далекий 1969 год, когда я, ассистент кафедры педагогики провинциального вуза – Крымского педагогического института, приехал на 4-х месячные курсы повышения квалификации преподавателей педвузов в Институт повышения квалификации (ИПК) при Академии педагогических наук СССР. Это было замечательное время и в стране и в АПН: еще продолжалась хрущевская оттепель, и профессиональные отношения в академической среде были достаточно демократичными, что не влияло на принципиальный характер научных дискуссий и научную строгость деловых отношений.

ИПК, возглавляемый моим будущим научным руководителем выдающимся организатором и прекрасным педагогом Эдуардом Георгиевичем Костяшкиным, находился в стадии становления. Лекции нам читали все знаменитые ученые педагоги и психологи того времени: А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, П.Я. Гальперин, Л.И. Божович, А.М. Арсеньев, Н.К. Гончаров, М.Н. Скаткин, Э.И. Монозон и многие-многие другие. Алексея Ивановича

я не помню среди наших лекторов, но видел его на заседаниях ученых советов при защите диссертаций, слышал его логически выверенные и четкие выступления. Восхищаясь его умом и внешним видом, (Алексей Иванович всегда был изысканно и элегантно одет), я в тоже время испытывал перед ним и определенный страх, что вполне естественно для молодого преподавателя, привыкшего к системе авторитарных отношений, сложившихся в провинциальной вузовской среде того времени. Может быть, это был и не страх, а этакий священный трепет, ибо в нем для меня был воплощен образ настоящего ученого – Академика. Конечно, этот трепет поддерживался и слухами о сложном характере академика, которые в дальнейшем в процессе моего обучения в аспирантуре Института общей педагогики АПН СССР в 1970-1973 годах, не опровергал и мой научный руководитель.

По сути дела, все дальнейшие годы, начиная с 1969, я был в том или ином качестве связан с Академией. В связи с тем, что Алексей Иванович был знаковой фигурой в АПН (в те годы академик А.И. Пискунов был и академиком-секретарем Отделения теории и истории педагогики, и вплоть до 1980 г., директором Института общей педагогики) до меня постоянно доходили какие-то слухи о нем. Но повторяю, между нами была дистанция огромного размера, и я ни в каких, даже самых смелых мечтах, не мог представить, что уже в середине 80-х годов XX века, я буду лично знаком с Алексеем Ивановичем, и, обращаясь ко мне, он будет говорить: «Мой дорогой друг».

Мне кажется, что Алексей Иванович идентифицировал меня как А.А. Орлова, когда мы встретились на похоронах безвременно ушедшего из жизни моего научного руководителя доктора педагогических наук, профессора Эдуарда Георгиевича Костяшкина в январе 1983 года. Эдуард Георгиевич был неординарным и ярким человеком, оригинальным исследователем и блестящим руководителем. Общеизвестно, что и отношение к таким людям бывает неоднозначным. Несмотря на все заслуги Э.Г. Костяшкина перед отечественным образованием и Академией педагогических наук, никто из академического начальства на похороны не пришел. Алексей Иванович выступил на гражданской панихиде и как представитель Академии, и как старший товарищ и коллега, который последние годы тесно сотрудничал с Эдуардом Георгиевичем. Это было искреннее и

эмоциональное выступление, в котором Алексей Иванович дал объективную оценку вкладу Э.Г. Костяшкина в педагогическую науку и образовательную практику. В то время это был гражданский поступок! Я был не просто обрадован такой оценкой моего любимого Э.Г. (так мы, его ученики, называли его между собой), но восхищен Алексеем Ивановичем не только как ученым, но и как человеком. Это был первый урок принципиальности академика, свидетелем которого я стал.

Позже Алексей Иванович сказал сотрудникам лаборатории Э.Г. Костяшкина и его ученикам, что в сложных обстоятельствах они могут рассчитывать на его поддержку. В том, что это не просто фраза на поминальных мероприятиях, я вскоре убедился. Случилось так, что после смерти Эдуарда Георгиевича моя завершенная докторская диссертация долго лежала без движения в одном из академических институтов. И я решил обратиться за советом и помощью к А.И. Пискунову, который в это время уже был заведующим кафедрой педагогики и председателем диссертационного совета в Московском государственном педагогическом институте им. В.И. Ленина. Но робость моя перед ним была так велика, что я попросил предварительно поговорить обо мне с Алексеем Ивановичем И.Д. Демакову, которая работала у него на кафедре. Он тут же положительно откликнулся на мою просьбу о встрече. Я позвонил Алексею Ивановичу по телефону, изложил свои проблемы и попросился на защиту в его Совет. Был конец учебного года, и мы договорились встретиться после отпуска в начале сентября. Все лето я готовился к нашей встрече. И вот она состоялась.

Мы встретились у Алексея Ивановича дома осенью 1984 года. С этого времени и началась новая эра в моей профессиональной и эмоциональной жизнедеятельности. Дом Алексея Ивановича стал для меня, говоря словами Э. Хемингуэя, праздником, который всегда со мной.

И здесь необходимо лирическое отступление, потому что в доме Алексея Ивановича он хозяин, но главная хранительница дома – его жена, Лидия Ефремовна Журова. Именно она определяла эмоциональный фон дома, и если можно так сказать, фильтровала, определяла состав его обитателей. Не все посетители могли стать его обитателями. Я был удостоен этой чести, чему бесконечно рад, счастлив и стараюсь не подвести хозяев этого дома. Я потом еще вернусь к описанию моих впечатлений от этого

дома, когда буду вспоминать наше общение, которое переросло в дружеское, почти родственное.

А тогда в далеком 1984 году я был покорен доброжелательным вниманием, с которым меня встретил Алексей Иванович, и глубоким видением и пониманием научной проблематики моей диссертации, ее достоинств, недостатков и путей их корректировки. Я был этим поражен, так считал, что раз академик известный специалист в области истории педагогики и образования, то с проблемами управления школой он не очень знаком. Мое понимание того, что профессионал высочайшего уровня, каковым был Алексей Иванович, обладает стратегическим мышлением и универсальными знаниями в области методологии научного исследования, пришло ко мне позже. Эта встреча оказалась для меня судьбоносной, так как во многом определила мой дальнейший путь в науке и образовательной практике.

В дальнейшем мы по поводу диссертации встречались неоднократно, пока, по мнению Алексея Ивановича, я не созрел для выступления с научным докладом по проблеме диссертации на кафедре педагогики МГПИ. Не буду описывать подробности заседания, моего выступления и хода его обсуждения, хочу лишь отметить, что и здесь я получил урок, может быть не столько научный, сколько этический. Я увидел человека строгого, требовательного, скрупулезно выверяющего все детали исследовательской работы и ее результатов, а также соблюдения требований нормативных документов, регламентирующих процедуру защиты докторской диссертации. И в тоже время это был человек, который умел радоваться успеху своего пусть и младшего коллеги, поддержать его в сложной и противоречивой ситуации. Эту человеческую поддержку, выраженную довольно скупой, я почувствовал, она мне очень помогла, и я буду этот момент помнить всю жизнь.

Алексей Иванович был человек страстный, он если любил, то любил, если нет... Не хотел бы я быть на месте этого человека. Мне кажется, что в процессе наших встреч по поводу диссертации на кафедре и дома у Алексея Ивановича проявился ко мне некоторый интерес как к младшему коллеге и человеку. У нас обнаружилась общность взглядов на педагогическую науку и деятельность, политическую ситуацию в стране и мире, на некоторые культурно-исторические явления и факты. Меня радовало, что Алексею Ивановичу со мной не скучно. Но это в большей степени проявилось уже потом, после защиты диссертации. А пока... Алексей Иванович

своим авторитетом поддержал и помог мне в очень сложной ситуации. Именно благодаря ему у меня был замечательный первый оппонент – Герой Советского Союза, академик АПН СССР Сергей Яковлевич Батышев.

Защита прошла нормально, и казалось всё – отношения виртуально-деловые. Нет, Алексей Иванович, чувствовал свою ответственность за всех, с кем сотрудничал и кого поддерживал. Прохождение моей диссертации в ВАКе было длительным. Не вдаваясь в подробности, скажу, что ее выдержали там положенные 10 месяцев. Естественно я переживал и беспокоился. И вот 31 марта 1986 года в 12 часов ночи у меня дома раздается телефонный звонок, и звучит голос Алексея Ивановича, который спрашивает: «Это квартира доктора педагогических наук Орлова?». Это дорогого стоит!!! Получив достоверную информацию, зная состояние диссертанта, Алексей Иванович не стал дожидаться утра. В этом он весь.

В этом же году академик пригласил меня в состав диссертационного совета, чем я очень горжусь по сей день. С этого времени наши встречи стали постоянными и систематическими. Ведь тогда диссертационных советов было мало, везде были очереди на защиту, посему заседания проходили ежемесячно каждый третий понедельник. У нас стало традицией после защиты приезжать к Алексею Ивановичу домой, где Лидия Ефремовна кормила нас вкуснейшим обедом. Я очень любил эти наши «посиделки», так как темы наших разговоров были интересны, разнообразны, эмоциональны и, как правило, очень поучительны для меня.

С этого времени начался новый этап наших взаимоотношений с Алексеем Ивановичем, позволивший мне многое увидеть, понять и осознать в специфике профессионально-педагогической деятельности, в особенностях человеческих отношений, специфике руководства аспирантами и управления кафедрой.

Мои первые аспиранты защищали диссертации в совете у А.И. Пискунова. Это была большая школа не только для них, но и для меня. Алексей Иванович четко разделял дружеские и профессиональные отношения. Научная принципиальность, требовательность, умение увидеть суть проблемы, доброжелательность и в тоже время нетерпимость к недобросовестности и профессиональной неряшливости всегда были отличительными чертами академика. Меня поражала его потрясающая работоспособность и умение одновременно заниматься различными научными и органи-

зационными проблемами. Впечатлял круг научных интересов: академик А.И. Пискунов изучал проблемы трудового обучения и воспитания в немецкой педагогике ХУШ нач. ХХ веков, руководил исследованиями истории экспериментальных учреждений в СССР и за рубежом, исследовал и разрабатывал проблемы педагогического образования и методологии педагогических исследований. И это неполный абрис круга его научных интересов. При участии Алексея Ивановича и под его научной редакцией в последней четверти ХХ в. изданы «Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. 2-я пол. XIX в.», «Педагогика», «Методы педагогических исследований», «Теория и практика педагогического эксперимента» и др. важные работы по теории и истории образования и педагогики. Уже в ХХI веке под его руководством увидели свет учебник по истории педагогики, который является базовым для студентов-будущих учителей, и трёхтомная хрестоматия по истории педагогики, по своей полноте и научному аппарату превосходящая все аналогичные учебные пособия.

Я был бесконечно признателен Алексею Ивановичу, что, несмотря на свою занятость, он находил время для работы с моими аспирантами, выходящими на защиту. Для них это было очень значимо – общение с Личностью такого масштаба. Все они до сих пор с благодарностью вспоминают профессиональные и этические уроки академика А.И. Пискунова. Но кроме моих аспирантов Алексей Иванович подготовил для Тульского педагогического университета ещё двух кандидатов и одного доктора педагогических наук, обучая их в своей аспирантуре. В связи с этим здесь уместно сказать ещё об одной грани многообразной научной и педагогической деятельности академика – подготовке научных кадров высшей квалификации. Он подготовил большое количество кандидатов и докторов наук, которые в настоящее время работают не только в России, но и странах ближнего и дальнего зарубежья. И как человек, близко соприкасающийся с этой частью жизни учёного, могу сказать, что в этой работе проявился не только научный, но и человеческий талант Алексея Ивановича, присущая ему мудрость – он умел подбирать учеников не только по деловым, но и человеческим качествам. Многие из его учеников с честью продолжают работу, начатую с академиком, стараясь ни в чем не подвести его.

Заседания диссертационного совета, которые вёл Алексей Иванович, это, как говорится, «отдельная песня»! Чёткость, логичность, острота во-

просов и дискуссий, но при этом доброжелательность и уважительное отношение ко всем участникам процедуры защиты. Вообще защищать диссертацию в Совете у Алексея Ивановича было очень престижно.

Я пока в основном вспоминал о профессиональной деятельности академика и, как мне кажется, не очень внятно сказал о его энциклопедической образованности. Когда не было Интернета, практически любую информацию по любому вопросу можно было получить у Алексея Ивановича. И мы этим пользовались довольно часто.

Но хотелось бы при этом особо подчеркнуть, что Алексей Иванович был большой жизнелюб. Он любил жизнь во всех её проявлениях, жил широко и открыто, приобщая к радостям жизни приятных ему людей. Естественно, как и у каждого нормального живого и выдающегося человека у него были свои маленькие слабости, но общеизвестно, что они только дополняют человеческие достоинства. Алексей Иванович любил застолье в хорошей компании. И я всегда рад быть рядом. За рюмкой хорошей водки или бокалом коньяка (Алексей Иванович любил и хорошее красное сухое вино) разговор всегда был душевным, эмоциональным и очень содержательным. Академик не признавал безделья и пустопорожних разговоров.

Как я уже говорил, дом очень гостеприимный и за столом по праздникам, дням рождения, а иногда и по будням собирались замечательные люди. Но я больше всего любил общение после диссертационного совета, когда мы, как правило, беседовали втроем: Лидия Ефремовна, Алексей Иванович и я. Не передать словами, какое интеллектуальное и эмоциональное наслаждение я получал! Ведь Лидия Ефремовна не просто жена академика А.И. Пискунова и гостеприимная хозяйка. Лидия Ефремовна – ведущий специалист в области обучения, воспитания и развития младших школьников. Не в моей компетенции оценивать её научные, учебные и научно-методические публикации, но об этической позиции, свидетельствующей о глубокой порядочности и благородстве этого человека, хочу сказать. Это особенно важно, когда докторов педагогических наук немерено, а в Российскую академию образования избирают семьями. Лидия Ефремовна так и остается кандидатом наук, принципиально не защитив докторскую диссертацию.

Моё общение с семейством Пискуновых происходило не только в МПГУ, у них дома или в РАО, но иногда и в процессе приятных загородных

поездок, например, в Ясную поляну, посёлок на Оке Бунырево, Оптину пустынь. Сколько остроумия, верных и точных наблюдений за окружающей жизнью, глубоких и заинтересованных мыслей о нашей многострадальной педагогике я почерпнул во время этих разговоров. И, конечно, традиций мы не нарушали – застолья были приятными во всех отношениях.

Мне было особенно лестно, что наше общение принимало все более дружеский и доверительный характер. Вспоминая наши встречи, хочется и процитировать Алексея Ивановича, и описать какие-то детали, знаковые события и бытовые мелочи. Но для этого нужен талант мемуариста и дневниковые записи, а у меня, к сожалению, нет ни того, ни другого. Меня успокаивает, что профессиональное наследие Алексея Ивановича сохранилось и там можно почерпнуть сведения о его научных взглядах и позициях, а вот некоторые бытовые детали – воспроизведу. Прежде всего, то, что особенно приятно мне: семейство Пискуновых доверило мне открывать заветные бутылки с армянским коньяком 50-летней выдержки на 70-лентий, 75-лентий и 80-лентий юбилеи Алексея Ивановича. Я счастлив до сих пор!

Огромнейший пласт жизни А.И. Пискунова – его работа в Академии (вначале Академии педагогических наук РСФСР, потом СССР, а с 90-х годов XX в. – Российской академии образования), действительным членом (академиком) которой он был с 1971 года. Многие годы Алексей Иванович был бессменным членом редакционной коллегии академического журнала «Педагогика», к нему и попадали на рецензию мои статьи, посвящённые проблемам управления образованием и вопросам педагогического образования. Это общение, хотя вначале и было заочным, но оказалось очень полезным, позволившим в дальнейшем в личном общении обсуждать самые важные вопросы, связанные с повышением качества педагогического образования, улучшением содержания и методов преподавания педагогических дисциплин в вузах.

Официальную информацию о работе Алексея Ивановича в Академии можно прочитать в «Педагогической энциклопедии», справочниках и юбилейных академических изданиях. Здесь мне хочется сказать только лишь о том, чему лично был свидетелем. Алексей Иванович всегда воспринимал проблемы развития педагогической науки и Академии как глубоко личные. Его очень волновали те негативные тенденции и процессы, которые стали проявляться в науке и академической среде: снижение качества диссерта-

ций и других видов научных исследований, нарушение норм профессиональной этики в академической среде, кулуарность при обсуждении актуальных научных проблем, снижение критического градуса научных дискуссий и др.

В 2001 году благодаря поддержке А.И. Пискунова, академика-секретаря Отделения философии образования и теоретической педагогики РАО В.В. Краевского и ряда других членов академии я был избран членом-корреспондентом РАО. Поэтому последние годы жизни А.И. Пискунова в академии прошли на моих глазах.

Выступления Алексея Ивановича на заседаниях Отделения философии образования и теоретической педагогики и собраниях РАО всегда были глубоко содержательными и очень принципиальными, он не признавал в науке никакого чиновничества. Нужно отметить, что к его мнению прислушивались как члены академии, так и её руководство. Именно Алексей Иванович и его единомышленники сдерживали развитие негативных тенденций в научной среде, препятствовали избранию в члены академии случайных людей.

Когда же Алексей Иванович по состоянию здоровья не смог лично присутствовать на годовом собрании РАО в 2005 году, он направил в адрес собрания письмо, которое публично с трибуны зачитал академик Э.Д. Днепров. В Письме академик А.И. Пискунов выражал беспокойство по поводу недостаточной актуальности обсуждаемых в РАО вопросов:

«...в повестке дня нынешнего Общего собрания РАО вопрос о состоянии образования в России и проектах его реформы опять отсутствует. По традиции предлагается обсудить отчет о работе РАО за 2004 г., перспективы развития исследований Академии, заслушать научный доклад «Русский язык в жизни общества и образования» и провести выборы новых членов Академии. Оторванность от актуальнейших проблем сегодняшнего дня очевидна. Академия и, прежде всего, Президиум не могут оставлять без внимания негативные явления в науке: в Интернете официально предлагается написание диссертаций и монографий, гарантируется успешная защита; подобные «услуги» предлагают различные «фирмы», полуофициально действующие при научных библиотеках. Игнорирование всего этого невольно бросает тень на добросовестных представителей науки и открывает путь в нее недостойным людям. Все об этом знают, пишут в пособиях для

соискателей степеней, но никто ничего не делает, чтобы прекратить эту вредоносную практику. Может быть, РАО поставит данный вопрос перед ВАКом, если там об этом действительно не знают? Или перед Министерством образования и науки?». И далее, подробно описывая историю с весьма настойчивым и неоднократным выдвижением одной сомнительной кандидатуры в члены-корреспонденты РАО, Алексей Иванович писал: «Простое ознакомление с крайне ограниченными сведениями о ряде других кандидатов в члены Академии вызывает опасение, что рекомендующие лица и организации недостаточно объективно оценивают место в педагогической науке своих выдвиженцев, и члены Общего собрания могут быть введены в заблуждение». И в конце письма, оказавшегося, по сути, научным завещанием академика, пронзительные слова: «Я приношу извинения членам Общего собрания за столь пространное письмо, но это – крик души». К сожалению, крик не был услышан.

После собрания мы дома долго разговаривали и о содержании письма, и о проблемах академии, и о том, что может произойти с педагогической наукой и РАО, если негативные тенденции будут развиваться. Предсказания Алексея Ивановича сбываются.

Последний наш разговор состоялся, увы, по телефону. Это было в середине мая 2005 года, когда я перед отъездом в Санкт-Петербург позвонил ему с Ленинградского вокзала. Голос был бодрым и настроение оптимистичное, Алексей Иванович вместе с Еленой Ростиславовной Черкасовой и её супругом собирался на автомобильную прогулку по ночной Москве. Мы договорились о встрече в ближайшее время. Но... 30 мая мне позвонила Наталья Федоровна Виноградова... Описывать моё состояние не имеет смысла.

На гражданской панихиде в РАО я сказал, что последние годы академик Алексей Иванович Пискунов олицетворял собой совесть академии, мы должны это помнить и сверять свои дела и поступки с этим нравственным камертоном. Смерть Алексея Ивановича Пискунова – это горе не только для семьи и близких ему людей, но и большое горе для Российской академии образования, если интеллектуальный потенциал можно восполнить, то нравственный практически невосполним.

Мысленно я часто общаюсь с Алексеем Ивановичем, вопрошая его и себя, а как бы он поступил в данной ситуации. Иногда мне кажется, хоро-

шо, что он не видит того, что происходит в жизни и в РАО. Но потом я думаю, что будь он с нами, многое было бы по-другому.

На могиле Алексея Ивановича я бываю несколько раз в году. И хотя Лидия Ефремовна меня критикует (мягко говоря), я стараюсь не нарушать традиций и прихожу с поминальной рюмкой, вернее двумя. Думаю, что Алексей Иванович меня бы поддержал. Эти посещения дают мне значительную эмоциональную и этическую опору в моей сегодняшней жизнедеятельности. На могиле я часто мысленно вспоминаю строки Д. Самойлова:

Вот и все, смежили очи гении.
И когда померкли небеса,
Словно в опустевшем помещении
Стали слышны наши голоса.

Тянем, тянем слово залежалое,
Говорим и вяло и темно,
Но как нас чествуют и как нас жалуют.
Нету их – и все разрешено.

Наверное, можно было бы написать воспоминания и лучше, но это мой Алексей Иванович, детали и частности дело почти интимное и делать их публичными мне кажется не совсем приличным. Все это находится глубоко в душе и согревает в трудные и грустные моменты жизни. Одно могу сказать – для меня это личностная невосполнимая утрата.

Но, как часто мы с Алексеем Ивановичем вспоминали любимую поговорку Л.Н. Толстого: делай, что должно и пусть будет, как будет! А посему надо жить!

Потому что, пока мы живы, жива память об академике Алексее Ивановиче Пискунове настоящем человеке и учёном!